

МЕРЕДИТ
ДЬЮРАН

*Любовь
и гесты*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Сое)-44
Д92

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Meredith Duran
At Your Pleasure

Перевод с английского Е.В. Моисеевой
Компьютерный дизайн Г.В. Смирнова

Печатается с разрешения издательства
Pocket Books, a division of Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Дьюран, Мередит.

Д92 Любовь и честь : роман / Мередит Дьюран;
[пер. с англ. Е.В. Моисеевой]. — Москва: Из-
дательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-104145-8

И при королевском дворе, и в темных лондонских зако-
улках, где правят бал отпетые бандиты, хорошо известно: нет
в Англии человека опаснее Адриана Феррерса, графа Ривен-
хема. Он готов на все, лишь бы восстановить в прежней сла-
ве честь семьи и состояние, и отнюдь не стесняется в сред-
ствах... пока не сталкивается с удивительной женщиной.

Ее зовут леди Элинор, и она втянута в опасную полити-
ческую игру.

Если Адриан предаст ее, получит все, о чем так долго меч-
тал. Если попытается спасти — поставит на карту свою жизнь.

Но какое это имеет значение, если настоящий мужчина
встретил наконец ту, что предназначена ему судьбой?..

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Сое)-44

© Meredith Duran, 2012
© Перевод. Е.В. Моисеева, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ПРОЛОГ

Англия, 1709 год

Быстрее!

Взмывленную лошадь пришлось бросить и дальше передвигаться пешком. Эдриан бежал изо всех сил уже целую милю. Ноги ритмично отталкивались от земли. Все инстинкты, все душевные силы и воспоминания слились в нем в единое целое, чтобы помочь этому целеустремленному бегу по темному полю, где он играл ребенком, а потом, став мужчиной, любил ее.

Быстрее!

Огни Ходдерби, уже давно мерцавшие вдалеке, стали ярче. В горящих окнах Эдриан различал сдвинутые портьеры. На светлом фоне двигались черные тени, выглядывали наружу. Одна из теней — Нора. Нора ждет его. Она сильная. Она выдержит, а он успеет.

Быстрее!

Эдриан споткнулся, тело пронзила резкая боль. Он, словно очнувшись, вдруг ощутил, как воздух царапает горло, как нестерпимо горят легкие, как ноет незажившее плечо и синяк на ребрах от удара отца. На корабле его привязали цепью, чтобы не убежал. Родные заявили, что желают ему добра, что иначе его жизнь будет разрушена. Брат хлопнул его по раненому плечу и со смехом смотрел, как он

морщится. А потом, когда Эдриан плюнул в его ухмыляющееся лицо, брат, бормоча проклятия, ударил его ногой, как бродячего пса.

— Когда-нибудь ты сам скажешь мне спасибо, — заявил он вместо прощания. И, вытерев лицо, добавил: — Тогда я приму твои извинения.

Извинений не будет.

Быстрее!

Из подступающих сумерек показалась толпа празднично разодетых, покачивающихся мужчин и женщин. Их пьяный смех далеко раскатывался в студеном осеннем воздухе. На головах и талиях девушек были венки из прихваченного на свадьбе флердоранжа — цветка невесты.

Не ее цветка, сказал себе Эдриан. Еще не время. Она не смирится. Она дождется.

Его заметили. Раздались приветствия. У него не было сил ответить. Сейчас он не бежал, а летел, летел к пасторату. «Быстрее, — подгонял себя Эдриан, — быстрее!»

Глава 1

Англия, 1715 год

Нора сидела перед зеркалом, а служанка по имени Гризель заплетала ей на ночь волосы. По дороге простучали копыта. На мгновение Нора испытала невыразимое облегчение — это Дэвид. Ее брат наконец вернулся, и теперь весь груз ответственности ляжет на его плечи. И слава Богу. Нору вконец измотали мужские обязанности.

Горничная распахнула окно, выглянула наружу и вскрикнула.

— Всадники короля, миледи, — сообщила она через плечо.

Нора ощутила, как от лица отхлынула кровь. Королевские солдаты являются к ночи, не отправив гонца, чтобы предупредить хозяев? Это могло значить только одно — обитателей дома решили захватить врасплох. Такой визит не к добру. Ее кто-то предал.

— Подай одеться. — Нора поднялась. — И зашнуруй побыстрее. Окно пусть будет открыто.

Гризель испуганно принялась за дело. Нора нетерпеливо ждала, слушая, как уснувший дом снова возвращается к жизни. Во внутреннем дворе залаяли собаки. Звякнула цепь. Заржала лошадь. В холодном ночном воздухе

разнеслись мужские голоса. Слов было не разобрать. Нора различила троих, потом услышала четвертого. Сердце замерло.

— Сколько их? — спросила она. — Ты можешь сказать?

— Я видела... восемь?.. Или нет, девять лошадей!

— Так много? — Нора подумала о письме, которое пришло на прошлой неделе. Из-за мятежей в Оксфорде правительство вспомнило о старом законе, который приняли еще до Гражданской войны. Он позволял агентам короля обыскивать любой дом, где, возможно, скрываются изменники. Но забраться в самую глушь Ланкашира... И привести столько людей...

Очевидно, незваные гости были уверены, что не уйдут с пустыми руками.

Она вздохнула, но тут же одернула себя — бояться нечего. Гризель отступила. Нора расправила плечи и посмотрела на свое отражение в большом угловом зеркале — маленькая, смуглая, почти не различимая в полутьме комнаты. Нет, так не пойдет! Она вздернула подбородок, стараясь изобразить гордый вид. Незваные гости будут вести себя в зависимости от ее манер. Надо, чтобы они видели перед собой знатную даму, требующую к себе уважения.

— Что им понадобилось? — прошептала за спиной Гризель.

Нора обернулась. Служанка нервно вертела в руках кружевную накидку. Во взгляде читалась беспомощность. Нора в который раз ощутила гнев. Безумные замыслы брата навлекают опасность на всех, кто находится от него в зависимости. Холодные дожди, скудный урожай должны бы привлечь его домой, в поместье, а он вместо этого занимается интригами во французских дворцах и подставляет головы близких под топор.

Мысль была трусливой, и Нора прогнала ее прочь. В конце концов, у Дэвида тоже нет выбора. Когда скончалась ее величество и немец из Ганновера уселся на англий-

ский трон, враги их отца заняли выжидательную позицию, нашептывали в уши короля лживые речи. Кончилось тем, что отца отстранили от должности, лишили титула и выдворили из Англии.

Разумеется, ни отец, ни Дэвид не стали терпеть подобного оскорбления. Брат часто говорил, что лишь псы и трусы лижут башмак, который их пинает. А если бы Колвиллы и смирились, кто сказал, что позже их не лишили бы и этих земель? Короне уже отошли их более обширные владения, но покойный муж Норы сделал все, чтобы Ходдерби и его окрестности остались в семье.

Однако теперь ее муж мертв, и у вигов больше нет причин считаться с Колвиллами. А Дэвид, прежде чем заняться этими владениями, должен убедиться, что они все еще принадлежат ему.

Паника отступила. К Норе вернулась способность размышлять здраво. Разумеется, никто ее не предал. Люди короля явились не потому, что им стало известно о деятельности брата. Скорее всего дело в том, что имение когда-то принадлежало ее отцу, сбежавшему ко двору якобитов, и цель визита — простая угроза.

— Я не понимаю, зачем они появились, — солгала Нора горничной, — однако уверена, что всему есть причина и нам не о чем беспокоиться.

— Да, миледи, — пробормотала Гризель. Похоже, Нора ее не убедила, но тут уж ничего не поделаешь. Пока эти люди не знают о делах брата, никакой новой опасности нет. Правда, только в том случае, если незваные гости не вздумают покопаться в винном погребе. В бочках с двойным дном пряталась не только мадера и портвейн. Пороха там хватило бы, чтобы уничтожить целую крепость или... этот дом — при неправильном обращении.

В дверь постучали. Нора едва не подпрыгнула. Они ведь не решатся пройти сразу в ее покои? Подобная наглость — очень плохой знак.

— Войдите, — отозвалась Нора. По крайней мере голос прозвучал спокойно. Хорошее начало.

В дверях появился управляющий, мистер Монтроз. Он был явно взволнован. Белый парик над тяжелым лбом сидел криво. Из-под него торчали седые пряди.

— Миледи, — задыхаясь, начал старый слуга, — прошу прощения за беспокойство, но Хутон говорит, что явились какие-то всадники и требуют впустить их в дом.

— Требуют — от чьего имени?

— Миледи, — забормотал он и громко сглотнул, — у них предписание парламента.

Нора изо всех сил пыталась скрыть, как это известие напугало ее.

— Значит, у нас нет выбора. Впустите, и пусть Хутон устроит их на ночь. — Нора наклонилась, чтобы Гризель смогла заколоть ей волосы.

— Но, миледи...

Нора подняла глаза. Монтроз нервно стискивал пальцы.

— В чем дело? Говорите, сэр.

— Миледи, во главе отряда лорд Эдриан.

Рука Гризель дрогнула. В кожу хозяйки впилась булавка, однако Нора даже не заметила боли. Неужели Монтроз и правда имеет в виду...

— Лорд Эдриан? — В голосе Норы уже не было спокойствия, он звучал хрипло, сдавленно, хотя на самом деле она ничего не испытывала, совсем ничего, одно только острое недоверие. Не может же Монтроз...

— О, простите меня, миледи, — заикаясь, продолжал управляющий, — я забылся. Я имел в виду графа Ривенхема. Он ведь теперь Ривенхем.

«О Боже, — содрогнулась Нора. — Значит, этот визит — акт мести! Ах, Дэвид, что ты наделал? Как я одна смогу противостоять ему?»

Их провели в малую гостиную, подали кубки с элем. Эдриан наблюдал, как устраиваются его люди, как неуве-

ренно рассаживаются в креслах у огня. Темное дерево здешних панелей казалось совсем неуместным антуражем для грязных кожаных колетов и грубых шерстяных плащей, но запах лошадей, дыма и пота очень быстро прогнал тонкий дух мебельной полировки. Эдриан был этому рад. Он помнил этот запах — особую смесь ароматического бальзама и воска из ульев Ходдерби. Однако воспоминания вывели его из равновесия еще раньше — в каменном вестибюле дома. Дверь открыл все тот же старый дворецкий Хутон, но теперь с тростью. Гобелен с единорогом возле лестницы, звук собственных шагов по каменным плитам — все показалось таким знакомым, что усталость улетучилась в тот же миг, а сердце заболело так, как будто его проткнули копьем.

Из-за этого Эдриан держался холоднее, чем требовалось. Он ничего не имел против слуг, только против хозяина, который, как, заикаясь, сообщил ему Хутон, сейчас отсутствовал, но леди Тоу была на месте. Вот и еще один неприятный сюрприз. Но несущественный, одернул себя Эдриан.

Он прошел к окну и посмотрел на темнеющий парк. Мерцающий огонек среди ветвей заставил его насторожиться. Пальцы вцепились в кубок. Эдриан подался ближе к стеклу.

Из предосторожности он в четверти мили от дома оставил лорда Джона Гардинера и небольшую группу солдат — решил прежде удостовериться, что в Ходдерби их встретят миром. Либо этот идиот нарушил приказ и запалил факел, либо в лесу скрывается кто-то еще. Это не может быть Дэвид Колвилл. Ему не поспеть. Агенты сообщали, что два дня назад он еще был в Кале.

Возможно, хозяйка дома ждет ночного гостя и сейчас всматривается в темноту, отыскивая взглядом такой же огонек? Ради нее самой Эдриан надеялся, что это не так. Ее присутствие здесь не вызывало подозрений. В конце концов, очень естественно, что после смерти мужа она

вернулась в родовое гнездо. Но если она замешана в заговоре, пощады не будет. Эдриан сделает то, что должен, сделает любой ценой.

Глядя во тьму, Эдриан вдруг подумал, что другой на его месте мог бы испытать некую толику страха. В юности человек, за которым он теперь охотится, был его другом, а женщина наверху — больше чем другом. Другой почувствовал бы замешательство...

Другой, оказавшись в Ходдерби снова, вспомнил бы мальчика, каким он был в прежние времена, — страстного, полного иллюзий и надежд, — дурачка, о котором, наверное, следует пожалеть.

Но Эдриан ничего не чувствовал. Тот миг в вестибюле был краток и уже минул. Эдриану ни к чему воспоминания. Иногда его удивляла собственная бесчувственность, но чаще он признавал ее пользу.

В комнату вошла вдовствующая маркиза Тоу. Эдриан предпочел смотреть на вошедшего с ней мужчину. Забавно, усмехнулся он. Старый Монтроз собственной персоной. По-прежнему на ногах, по-прежнему толстый, как турок; тройной подбородок дрожит от важности.

Служанка внесла лампу и подняла над головой, чтобы продемонстрировать присутствующим ее светлость.

Эдриан был готов к этому зрелищу, а его люди — нет. Он услышал, как кто-то с шумом втянул в себя воздух. Маркиза была слишком смуглой и невысокой, чтобы назвать ее красавицей. Брови слишком широки, скулы слишком резко очерчены. Но фигура поражала своим совершенством, которого не могло скрыть даже строгое платье цвета крови. Пожалуй, таким формам могла позавидовать любая служанка в баре. Мерцающий свет лампы очертил роскошную линию груди и бедер, сверкнул пурпурными искрами в рубинах на шее.

Была почти полночь. К их приезду маркизе следовало быть уже в постели или, во всяком случае, готовиться ко

сну. Значит, драгоценности надеты минуту назад, чтобы напомнить гостям о ее статусе.

Со стороны хозяйки было бы разумнее встретить их с заспанными глазами и растрепанной, в сползающем с плеча кружевном пеньюаре, в изящных домашних тапочках. Подчеркнуто беспомощный вид обезоруживает мужчин. Однако Нора никогда не умела играть в эти игры. Девчонкой она их презирала, а выйдя замуж... По каким-то причинам маркиза сделалась тихой и сдержанной, как монахиня. Скучная особа, решили при дворе, деревенская простушка, а она не сделала ничего, чтобы изменить приговор лондонского света.

Эдриан никогда не оспаривал это придворное мнение, он вообще не говорил о маркизе.

В неверном свете от канделябров вдоль стен она искала глазами его. Люди Эдриана удивленно обернулись, не понимая, отчего он не встал навстречу хозяйке. Несмотря на молчание и сверкающие драгоценности, она, безусловно, казалась им безвредной — фигура миниатюрной сирены хорошо гармонировала с детским выражением лица, взволнованным румянцем и большими круглыми глазами.

Наконец их взгляды встретились. На мгновение она словно застыла. В глазах отразилась тревога. «Ну разумеется, — думал Эдриан, — вы точно знаете, что вам не приходится ждать снисхождения!»

Он слегка поклонился.

— Милорд Ривенхем, — обратилась к нему Нора, не приседая в реверансе, а лишь слегка кивая в ответ. Поклон дал Эдриану возможность разглядеть блестящую корону ее черных волос. Обращенное к нему лицо было непроницаемо, но к этому Эдриан привык. За шесть лет он много раз видел ее в дворцовых залах, и всякий раз это лицо казалось ему бесстрастной маской, скрывающей мертвую женщину. Бесспорно, красивую, но неживую.

Эдриан знал о ее покойном муже достаточно, чтобы догадываться о причинах, и ради ее блага, пожалуй, был рад, что теперь она вдовствовала.

— Миледи Тоу... — холодно произнес он. Между ними не было места даже напускной любезности — так они, не договариваясь, решили во время случайных встреч в городе. — Ваш управляющий сообщит вам о цели нашего визита. Нам потребуется жилье и пропитание.

Нора смотрела на говорящего без всякого выражения. В неверном свете канделябров Эдриан не мог разглядеть ее глаз, но знал, что они серые, пронизательные и чистые, как ее голос. То, что в Лондоне принимали за холодность, на самом деле было очень развитым самообладанием.

— Насколько я поняла, вы явились, чтобы обыскать поместье. Разве для такого простого дела нужна провизия?

— Я рад, что дело представляется вам простым, — отвечал он. — Что касается провизии, я могу лишь сказать, что если вам неизвестны потребности находящегося в пути отряда, то вас сможет просветить ваш управляющий.

Судя по бесстрастному лицу маркизы, укол не достиг цели. Она обернулась к Монтрозу и о чем-то поговорила с ним вполголоса. Эдриан услышал, как перешептываются его люди, которые явно поняли, что происходящее имеет некий подтекст, но, разумеется, были не в состоянии разгадать его.

— В конюшнях достаточно места для лошадей. Ваши люди тоже могут разместиться там, — заявила она. — А если вы...

— Нет, — оборвал ее Эдриан, — мы останемся в доме. Нора молчала.

— Кроме помещения для моих людей нам потребуется еще две комнаты, — продолжал он. — Нас сопровождает один из сыновей маркиза Барстоу. Лорд Джон прибудет утром. — Мальчишка жаловался, что в этом рейде ему мало достается командовать, так пусть хлебнет лиха в ночном дозоре, чтобы были настоящие причины для жалоб.

Маркиза шагнула вперед, служанка с лампой поспешила следом.

— Я думала, вы явились обыскать дом, — ледяным тоном проговорила Нора. — Но если вы собрались захватить его, так же как и мою власть здесь, тогда сделайте милость и объявите об этом прямо.

Эдриан позволил себе легкую улыбку. Когда-то ее смелые речи завораживали его. Ему казалось, что это признак свободного разума и отважного сердца. Однако смелость и решительность — разные вещи. Она, как мул, будет упрямо тащиться в своем ярме и не усомнится в его необходимости, пока не упадет замертво. Кстати, насколько ему известно, братец заставил-таки ее работать на свои цели, участвовать в заговоре.

От этой мысли Эдриан помрачнел. Заныло плечо. Дала о себе знать старая рана. Он получил ее от брата Норы. Плечо так до конца и не зажило. Сегодня Эдриан двенадцать часов ехал верхом сквозь дождь и ветер и сейчас был изможден больше, чем думал. Изможден телом и духом.

— Прямо так прямо, мадам. Постараюсь выразиться так, чтобы вы меня поняли, — заговорил он. — Я выполняю приказ короля. В настоящий момент я его представитель, и вы будете относиться ко мне соответствующим образом. Ваш единственный долг состоит в том, чтобы повиноваться.

Сквозь треск поленьев в камине Эдриан услышал, как резко вздохнула служанка, но хозяйка не дрогнула.

— Отлично, — помолчав, проговорила она. — Монтроз, распорядитесь, чтобы Хутон нашел этим людям место в восточном крыле. Лошадей пусть поставят в конюшню. Ваша светлость, будьте любезны, — сарказм в голосе был едва уловим, — сообщите моим домашним, как долго мы будем иметь честь принимать у себя представителя короля?

— Этого я вам сказать не могу. — «Сколько понадобится», — добавил он про себя. Дэвид Колвилл в Кале наводил справки насчет кораблей. Эта глупость не доведет его до до-

бра, ибо, когда он окажется в Англии, самонадеянность не позволит ему скрываться. Он вообразит, что сумеет одолеть небольшой отряд солдат. Ясно, что очень скоро Дэвид объявится в Ходдерби.

— Понимаю. — Маркиза колебалась. — Возможно, вы предпочтете, чтобы я удалилась? Я могу переехать в поместье кузена.

— О нет. — Только сейчас Эдриан сообразил, насколько ловко спланировал эту засаду. Хозяйка явится отличной приманкой для своего заблудшего брата. В самом деле, как только Дэвид Колвилл узнает, кто гостит у его сестры, гнев тотчас же пригонит его к родному порогу. — Простите, если я выразился недостаточно ясно. На весь период нашего пребывания здесь никому из ваших людей не разрешается покидать поместье.

Нора взяла лампу из рук служанки и подняла ее выше, как будто хотела лучше рассмотреть пришельца, а вместо этого показала ему себя: широко распахнутые круглые глаза, густые черные брови — более тщеславная женщина выщипала бы их, — мрачная линия сжатых губ, прозрачная жилка, слишком быстро колотящаяся на горле.

— Я... но это невозможно! Не хотите же вы сказать, что мы арестованы?

— Хочу, — подтвердил он. — Именно так.

Глава 2

— Подождите минуту, — произнес Ривенхем, пока Монтроз выпроваживал из гостиной солдат. — Нам нужно поговорить.

«Нужно поговорить», — с истеричной насмешкой повторила про себя Нора. Когда-то эти слова значили для нее так много. «Нам нужно поговорить», — шепнул он в тот день на

лугу, а потом уложил ее на душистые травы и зарылся лицом в ее волосы, так что она кожей ощущала его дыхание. Тогда они в первый раз говорили о любви. Ему было не больше двадцати, ей — на год меньше. Совсем еще дети.

Каким же она была необузданным, упрямым и глупым ребенком!

Как сжигало ее желание снова услышать эти слова! Сжигало бесконечными ночами после свадьбы, когда она в первый раз увидела Эдриана в Лондоне под руку с женщиной, которая прикасалась к нему так, словно он принадлежит ей. Тогда его глаза посмотрели сквозь нее, как будто Нора была невидимкой.

Как хотелось ей снова услышать, что она нужна ему, что лишь она одна может подарить ему то, что не в состоянии дать ни одна другая женщина, что он все еще любит ее.

Но время образумило Нору. Теперь она знала, что если мужчине нужна женщина, то ей особенно гордиться нечем. У мужчины много потребностей. Ее отец, брат, покойный муж — все они год за годом требовали от нее бесконечного ежедневного внимания. Она осознала, что в их нужде в ней нет ничего лестного, и научилась ценить покой и безразличие.

Сейчас, сидя у камина и наблюдая, как лорд Ривенхем вышагивает по комнате, она гордилась тем, что не ощущает любопытства. Ей безразлична его потребность говорить с ней. Она сумела отнестись к его словам так, как он их произнес, — холодно.

— Сколько у вас слуг? — спросил он. — Считаю тех, кто ночует в конюшнях.

— Сорок восемь душ, — сообщила она.

Эдриан кивнул. Шагая по комнате, он постоянно касался окружающих предметов: застекленного шкафа с фарфором, лакированной вазы на маленьком столике, ворсистого гобелена на стене. Он выглядел здесь так неуместно в своем грубом дорожном костюме — высоких коричне-